

Н.Е. Никонова

**В.А. ЖУКОВСКИЙ – ЧИТАТЕЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ
1840-Х ГГ.: СБОРНИК ГЕОРГА ГЕРВЕГА
«СТИХИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА» (1841)¹**

В научный оборот вводится материал помет и автографов Василия Андреевича Жуковского на страницах издания одного из самых известных немецких поэтов, представлявших новое революционно-демократическое направление, Георга Гервега (Herwegh G., «Gedichte eines Lebendigen» (1841). В статье впервые представлен обзор и сравнительный анализ русской и немецкой рецепции личности и творческого наследия Гервега 1840–2010-х гг., в контексте которой замечания Жуковского имеют особое звучание.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Г. Гервег, рецепция, немецкая поэзия.

Лето 1841 г. ознаменовалось для немецкого мира настоящей литературной сенсацией. В Цюрихе вышла в свет первая часть сборника двадцатичетырехлетнего поэта Георга Гервега (Georg Herwegh, 1817–1875) «Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen» («Стихи живого человека. С посвящением умершему»). Книга возымела пьянящий эффект, оказала мощное влияние в равной степени на консерваторов и реакционеров. Это был новый род политической поэзии, основанной почти исключительно на риторике. Гервег оказался востребованным в застрявшей в бидермайере массово читающей и пишущей благочестивой Германии, понятным и близким противоборствующим партиям, прибегнув к беспроигрышной стратегии: штюрмерско-радикальный пафос его стихов основывался на незыблемой сюжетно-композиционной основе духовно-назидательной литературы, а также романтической натурфилософии и мифопоэтике. Незатейливое языковое воплощение вечных тираноборческих мотивов вкупе с актуальным для страны призывом к единению, протесту и освобождению сделали его стихи понятными для массового читателя. Жизнеутверждающий пафос несогласия скрывался уже в заглавии, которым автор прозрачно намекал на «Письма умершего» немецкого

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ № 12-34-01225 и №. 13-34-01228.

князя, писателя-путешественника, тонкого и ироничного рассказчика, майора русской службы и основателя самого большого европейского парка в английском стиле Германа фон Пюклера-Мускау, сочинения которого знал и Жуковский, читавший среди прочего вызвавший полемику Гервега четырехтомник князя «Briefe eines Verstorbenen Ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland, Frankreich, Deutschland und Holland, geschrieben in den Jahren 1826–1829» [1. С. 259]. Молодого поэта не устраивала оторванная от реалий дня романтическая ирония Пюклера-Мускау. В отличие от последнего, не получившего широкой известности в Германии и не стремившегося к ней, Гервег проснулся знаменитым. Известнейшие из его современников моментально отреагировали на его сенсационный дебют, окрестив его каждый на свой лад. А. Руге провозгласил Гервега «апостолом Нового времени», Г. Гейне, иронично предостерегая не знавшего броду, назвал его «железным жаворонком».

Как бы там ни было, первый том «Стихов живого человека» менее чем за два года (1841–1843 гг.) был переиздан шесть раз с немалыми тиражами (от одной до шести тысяч экземпляров). Слава Гервега шла впереди него, и способствовали этому не только успех разобранных на девизы пропагандистских стихов, но и его нелогичная, эпатажная стратегия обращения с обеими сторонами политического Олимпа.

Гервег остался, в сущности, автором одной книги, второе издание которой оказалось в руках Жуковского. Вместе с революционным настроением в сборнике присутствовали и песнь королю, и сонеты, не имеющие политической подоплеки, а также посвящения Гутенбергу, Уланду, Бюхнеру и др. Свойственная проповеди риторика автора, наследственного священника, не доучившегося на теологическом факультете, стала залогом не только грандиозного успеха, но и разгромной критики антологии Гервега и его стиля: друзья по революции упрекали его в бестелесности образов, собратья по перу иронизировали, однако узнаваемые формы и риторика духовно-назидательных жанров позволили ему быть понятным большинству, вписаться в контекст книжной культуры пиетизма и благочестия, подъем которой в Пруссии был фактически регламентирован на государственном уровне. Вряд ли сам поэт или его русский читатель могли представить себе реализацию эфемерных идей, которая настигла Германию спустя семь лет после выхода первой части цикла.

Прежде чем говорить о восприятии Жуковским пафоса поэзии Гервега, необходимо представить сложившиеся в гуманитарной мысли разнообразные образы этого немецкого автора, которому было суждено оставить глубокий след в истории русской словесности и русской мысли. Нам известны как минимум три модели восприятия, которые интересующиеся могут обнаружить в литературе о нем. Первая из них аутентична и обнаруживается в немецкоязычной традиции, где фигура Гервега была популярна в 1990-х гг., о чем свидетельствуют как минимум две посвященные ему монографии [2]. Авторы этих работ в определенной мере полемизируют. В книге писателя М. Краусника, вышедшей в 1993 г., поэзия Гервега определена как преходящее порождение революционной эпохи, незамысловато отражающее новые политические веяния, муссирующее клишированные понятия в стиле лозунгов. В монографии литератора и переводчика У. Энценбергера личность Гервега представляется в героическом свете, о чем красноречиво говорит название его неоднократно издававшейся работы «Гервег. Жизнь героя» [3]. Однако в разысканиях немецких филологов специально не говорится о неполитической эстетике автора и той роли, которую революционный поэт сыграл в русской литературе благодаря драматической истории, связавшей его с семьей Герценов. Незамеченной в специальных работах осталась единственная в своем роде статья Г. Цигенгейста, опубликованного в 1962 г. два неизвестных письма Герцена и Гервега периода разрыва их отношений [4].

В России личность и наследие Гервега осмыслились поэтапно. Характер рецепции при этом определялся, как это часто бывает, культурно-исторической ситуацией в принимающей культуре. Начальный период восприятия, который условно можно отнести к 1870–1900-м гг., связан с первой попыткой представить Гервега и его поэзию в контексте немецкой литературы от ее начал до середины XIX в., предпринятой знаменитым литератором, переводчиком, издателем и поэтом Н.В. Гербелем (1827–1883). В его антологию «Немецкие поэты в биографиях и образцах» [5] вошли пять стихотворений Гервега в переводах П. Вейнберга, А. Плещеева, М. Михайлова, Н. Грекова и И. Крешева. Однако едва ли не большую значимость имеет вступительная заметка самого Гербеля, обрисовывающая биографию Гервега и его художественную манеру, при этом участие поэта в консервативном или революционном, коммунисти-

ческом или анархическом движениях намеренно не подчеркивается, а ярчайшие черты его поэзии, в том числе и политической, отмечаются с ясных литературоведческих позиций. Пожалуй, за всю более чем полуторавекую историю русской рецепции поэт Гервег не получил более интеллигентного, объективного портрета, чем от Гербея. Впредь каждый из фактов этого восприятия будет иметь очевидную субъективную окраску, отражая рефлексамии облик самого реципиента.

Второй этап активного обращения отечественной словесности к наследию «железного жаворонка» связан с приходом и воцарением в России того идейного пафоса, который был характерен для стихов, определивших скандальную популярность немецкого поэта. Начало этого периода связано с послереволюционным десятилетием 1920-х гг., когда русский читатель получил «Стихи живого человека» в переводе Б. Пастернака (1925), неоднократно переиздававшуюся переводную антологию статей немецкого ученого Ф. Меринга «Мировая литература и пролетариат» (1925) и роман П.К. Губера «Кружение сердца. Семейная драма Герценов» (1928). Так полноценная русская переводческая рецепция Гервега началась именно со «Стихов живого человека», самого репрезентативного и не самого однозначного цикла, который и был предметом пристального внимания Жуковского. В совокупности новый образ Гервега, хотя и был значительно идеализирован в соответствии с новыми идеологическими задачами, политической пропагандой революционного подъема в 1920-х гг., все же обрел свои основные конститутивные черты.

В конце 1940-х гг., к столетнему юбилею революционных событий, свидетелем которых стал Жуковский, в Советской России был выпущен новый том немецкой политической поэзии, в котором не последнее место занимали стихи Гервега. Подборка его сочинений следовала за открывавшими антологию сочинениями Г. Гейне и более чем в два раза превышала их количество. Большинство переводов (29 из 34) было выполнено Н.Л. Вержейской (1903–1985), в работе также участвовали известные профессионалы А. Арго (А. Гольденберг, 1897–1968) и Л.М. Пеньковский (1894–1971). Переводческая стратегия в целом определяется как вольная, иногда доходящая до своеволия. И без того скудные реалии, культурно-исторический генезис и философские основы стихотворного мира немецкого поэта сглажены и приближены к советской действитель-

ности и советскому читателю, в результате чего выборка Гервега прочитывается как образцовая агитпропаганда для внутреннего потребления. Автором комментариев и вступительной статьи к изданию «Немецкая поэзия революции 1848 года» выступил известный мастер перевода и исследователь русско-европейских литературных связей И.В. Миримский. В его статье Гервег представлен «талантливейшим певцом зари германской революции 1848 г.», в чьих стихах «оптимистический порыв к солнцу, язычески жизнерадостная чувственность, весенняя многокрасочность сочетаются с восторженной любовью к народу и страстной ненавистью к его угнетателям» [6. С. 10–11]. К подобному вчитыванию собственных смыслов, актуальных для послевоенной эпохи в СССР, располагали характерный агитационно-пропагандистский пафос и прозрачная риторическая основа поэзии Гервега. В действительности, всматриваясь в аутентичный контекст жизни и творчества этого современника Жуковского, вряд ли можно признать справедливость рассуждений Миримского, находящихся в том же стилистическом и эмфатическом регистре, что и избранные предметы внимания комментатора. В это же время вышла актуальная работа М.В. Серебрякова «Поэт Гервег и Маркс» (Л., 1949), освещающая малоизвестные, интересные факты из биографии и творческого диалога двух личностей и также не лишенная неизбежного идеологического подтекста.

Спустя десятилетие русская литература обратилась к наследию Гервега специально, обозначив новый этап рецепции крупной антологией свежих переводов его стихов «Избранное» (М., 1958) и рядом литературоведческих трудов, из которых особо выделяются работы А.Л. Дымшица [7] и С.В. Тураева [8]. На этот раз в собрание вошли около сотни стихотворений Гервега, большую часть из них составил материал первого тома «Стихов живого человека», при этом поэт оказался представленным с различных сторон: не только как представитель радикального политического направления, но и как автор полноценных в художественном смысле произведений. В «Избранное» были включены талантливейшие, с нашей точки зрения, переводы Б.Л. Пастернака, доработанные и часто выполненные заново переводы Н.Л. Вержейской, а также работы признанных мастеров советской школы поэтического перевода Л.В. Гинзбурга, Е.Г. Эткинда и др. В обстоятельном вступительном очерке гейневеда А.И. Дейча Гервег, его деятельность и творчество получили все-

стороннее освещение, свою историю о немецком поэте автор предисловия заключал справедливым утверждением: «В его творческом наследстве остались прежде всего “Стихи живого человека”. Они вошли в сокровищницу немецкой национальной поэзии» [9. С. 9].

В 1970-х гг. статьи о Гервеге переписывались для учебников по немецкой литературе и антологий. При этом характеристики его художественного метода звучали все более критично. Так, авторы «Истории зарубежной литературы XIX века», отмечая, что «сороковые годы XIX века были периодом расцвета немецкой революционно-демократической поэзии», оставляет целый ряд объективных наблюдений, лишенных идеологической модальности. Например, небезосновательно полагая, что, во-первых, «успех сборника Гервега объясняется тем, что политическая по преимуществу тематика стихов, их гражданский боевой пафос были в немецкой поэзии тех лет чем-то необычным и новым» и что, во-вторых, «пафосу стихов Гервега свойственна большая доля абстракции: слова “тирания”, “деспотизм”, “свобода” и другие никак не конкретизируются поэтом, у них нет точного “адресата”, в них нет исторически точного социально-политического содержания» [10]. Наконец, в 1997 г. вышла во многом итоговая монография С.В. Тураева «Революция во Франции и немецкая литература» [11], где обстоятельно исследуется широкий историко-культурный контекст, в котором представляется наследие Гервега, уточняются многие факты его биографии и характеризуется генезис мировоззрения поэта.

И все же Гервегу суждено было с новой силой «откликнуться» в истории русской литературы и гуманитарной мысли спустя полвека после выпуска «Избранного» на русском языке. Всплеск внимания ознаменовался выходом в 2009–2013 гг. сразу нескольких работ, посвященных отношениям немецкого поэта с А.И. Герценом и его супругой Натали. В постсоветской русистике неоднозначная и неординарная личность немецкого поэта приобрела новые черты, внимание сосредоточилось на любовном треугольнике Герцены – Гервег, послужившим главным прототипом для «Былого и дум». Так, в 2009 г. вышло объемистое эссе литератора и ученого В.А. Широкова под заглавием «Любовная геометрия Герцена» [12], автор которого не скупится на яркие характеристики в адрес немецкого поэта, «писаного красавца», «рокового мужчины для жены Герцена», старательно «втиравшегося в доверие к русским друзьям» и в результате

фактически погубившего их своей «бесхарактерностью», «торгашеским чутьем», «многословными и лживыми излияниями» [12]. Из сочинения В.А. Широкова явствует, однако, что роль Гервега в истории русской интеллигенции отнюдь не малозначима. Этот тезис получает свое доказательное развертывание в последовавшей за эссе статье И.А. Паперно 2010 г. «Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции» [13].

И.А. Паперно удалось проследить более чем полуторавековую историю бытования и изучения семейной драмы Герценов и Гервега и сделать некоторые выводы. Во-первых, о том, что «история семейной драмы Герцена превратилась в один из культурных институтов русской интеллигенции: связь между интимностью и историей стала <...> воспроизводимой в жизни отдельного человека»; во-вторых, «для многих — друзей, читателей, исследователей, писателей — причастность к семейной драме Герцена стала переживанием глубоко личным, интимным»; и хотя «поколения исследователей русской общественной мысли и литературы живо интересовались семейной драмой Герцена, эта история еще не закончилась» [13].

Словом, не вызывает сомнений важность той роли, которую Гервег, сам того не подозревая, сыграл в истории русской мысли, русской словесности и культуры в целом. Эта роль является едва ли не более значимой, чем место, занимаемое им в мировой литературе. Конечно, поселившемуся в 1840 г. в Германии первому русскому романтику В.А. Жуковскому могло быть известно об истории Герцена, развернувшейся в 1848–1852 гг., однако, в 1841 г. Гервег предстал перед ним таким, каким его знала немецкая читающая публика.

История восприятия и характер осмысления наследия и личности Г. Гервега в России ждут своего исследователя, приведенные факты этой рецепции представляют богатый материал. Бесспорно то, что у истоков ее стоял современник Гервега, Фридриха-Вильгельма IV, свидетель событий 1840-х гг., первый русский романтик В.А. Жуковский. В личной библиотеке поэта сохранилось представляющее несомненный научный интерес издание этого тома, тщательно им изученное и прокомментированное. Книга заслуживает специального внимания, поскольку открывает перед нами малоизвестное амплуа Жуковского как участника литературной жизни современного ему немецкого мира.

Логично предположить, что интерес Жуковского к личности и сочинениям новоиспеченной знаменитости возрос после того, как Гервег побывал на приеме у дружественного русскому монаршему наставнику короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV. Этот шаг вошел в идеологизированные хрестоматийные статьи как «политически неосторожный поступок», опрометчивость, связанная с недостаточной твердостью революционных взглядов. Аудиенция короля действительно снизила рейтинг Гервега среди однопартийцев, а желание восстановить репутацию побудило к вызывающим выпадам против принявшего его монарха, запретившего задуманное им периодическое издание вместе с многими другими газетами радикального толка. Последовавшая ссылка в Швейцарию означала по сути конец звездного успеха Гервега. Думается, что во время этих событий 1842 г. Жуковский и удосужился внимательно изучить манеру «живого человека» и его «Стихов».

К чтению Жуковский подошел профессионально. Том немецких стихотворений изобилует пометами, которые позволяют говорить об оригинальной рецептивной стратегии читателя. На начальном развороте книги рукой Жуковского оставлен автограф из четырех строк, свидетельствующий о вдумчивом и неоднократном чтении сочинений, о попытках проникнуть в сущность новой политической поэзии. Романтик фиксирует процесс и результаты этого погружения:

Первое чтение – сила в блестящ<ем> выраже<нии>

Второе чтение – чз <смысл>

Главная мысль свобода? Бог?

Эти рукописные строки фиксируют как процесс, так и результат осмысления Жуковским-читателем риторических контаминаций Гервега. В первой строке русский поэт по достоинству оценивает талант автора, определив его эпитетом «блестящий». Вторая строка намечает ту полемику, которая выразится в пометах читателя на страницах книги далее, третья же обозначает важнейшую магистраль философско-эстетической диалектики художественной системы Гервега, его парадоксальное вращение в пределах от собственного утопического концепта «свободы», не предполагающего объекта приложения, т.е. обозначения того, от кого или от чего требуется освободиться, до различных устойчивых формульных маркеров ду-

ховно-назидательной словесности. Эта сущностная и, с нашей точки зрения, очевидная особенность поэтического мира выходца из семьи священника Гервега, проучившегося несколько лет на факультете теологии в Тюбингене, почему-то не привлекла достаточного внимания тех, кто обращался к его наследию.

В разысканиях зарубежных литературоведов пунктирно намечена мысль о том, что одним из опорных моментов его успешного риторства является следование установленным правилам проповеднического жанра, композиционной структуре речи, произносимой перед паствой священником, призванным увлекать, наставлять, призывать и убеждать – одним только животворящим словом. Однако и в содержательном, мотивно-сюжетном плане христианско-религиозные семемы книжной культуры Нового немецкого благочестия и пиетизма являются системными в сборнике, где большинство центральных текстов раскрывают свой политический пафос на материале, почерпнутом из традиций духовно-назидательной словесности. И практически все эти стихотворения так или иначе отмечаются рукой Жуковского. К таковым принадлежат:

Arndt's Wiedereinsetzung / Возвращение Арндта на престол
Gebet / Молитва
Das freie Wort / Свободное слово
Protest / Протест
Aufruf / Призыв
Neujahr (1841) / Новый год (1841)

Первое из приведенного списка стихотворение не получило известности в русской рецепции, очевидно, из-за необходимости предназначенного советскому читателю бесконечного комментария, объясняющего, как и почему в поле зрения продвинутого оппозиционера попало имя известнейшего проповедника, центральной фигуры немецкого пиетизма и домашнего благочестия, мистика и богослова Иоганна Арндта, книги которого имелись практически в каждой германской семье XVIII–XIX вв. Отрицая его «возвращение на престол» (Wiedereinsetzung), которое фактически произошло в 1840-е гг. на инициированном государством взлете книжной культуры пиетизма в Пруссии (см. следующий раздел), Гервег заявлял (строки подчеркнуты Жуковским одной чертой):

G. Herwegh**Arndt's Wiedereinsetzung**

Nun schickt Ihr uns den Alten mit der Krücke,
Alt – nicht bloß durch der Jahre Zahl.

Wohl möcht' er stehn, wie wir noch, und nicht wanken

Im heißen Pulverdampf,
Doch rufen andre Fahnen und Gedanken
Und andre Götter uns zum Kampf [14. S. 24].

Подстрочный перевод**Возвращение Арида на престол**

Теперь Вы посылаете нам старика с клюшкой,
Старого – не только одним количеством лет.

Пожалуй, он хотел бы устоять, подобно нам, и не шататься

В горячих клубах пороха,
Но зовут нас иные знамена и мысли
И иные боги к борьбе.

В «Призыве» рефреном проходит строка, заключающая каждую из четырех октав и побуждающая к «священной войне» («Frisch auf, zum heiligen Krieg!»), не нашедшая эквивалентов в русском переводе Н. Вержейской. Подобного упрощения удалось избежать лучшему из переводчиков Гервега Б.Л. Пастернаку. Так, поэтическая семантика стихотворения «Протест» в его версии сохраняет подчеркнутую в начальных строках идентичность лирического Я, причисление себя к протестантам: «So lang ich noch ein Protestant, // Will ich auch protestieren» [14. S. 52] («Пока еще я протестант, // Я громко протестую» [9. С. 83]) и восьмикратный неточный повтор последнего стиха. Наконец, необычно красочна и красноречива призывающая к мятежу картина, изображенная Гервегом в финале стихотворения «Новый год. 1841» посредством христианско-религиозных образов и подчеркнутая Жуковским:

G. Herwegh**Neujahr. 1841**

Ja! du wirst, schon seh' ich, traun!
Neue Sterne ziehen,
Neue Tempel seh' ich baun,
Neue Völker knien;
Donnerklang und Harfenton
Rufen in die Mette –
Still! die Engel opfern schon
Einen Ring der Kette [14. S. 61].

Г. Гервег**Новый год (пер. Н.Л. Вержейской)**

Внял ты! Вижу блеск зарниц,
Новых звезд восходы...
В новых храмах пали ниц
Новые народы.
Всенощным греметь дано
Музыкой и словом.
Ангел новое звено
Прикрепил к оковам [9. С. 44].

Открытое выступление против домашнего благочестия, принявшего форму государственной идеологии, которую стал активно продвигать Фридрих-Вильгельм IV в лидировавшей в начале 1840-х гг.

Пруссии, содержится в подтексте политической поэзии Гервега. Эту особенность и отметил В.А. Жуковский, зафиксировавший свой вопрос об основных поэтизмах: «Главное слово свобода? Бог?».

На финальных страницах книги, изученной Жуковским, находится *система помет*, которую вдумчивый читатель оставил на последнем развороте для записей: вертикальное отчеркивание, двойное вертикальное отчеркивание, помета в виде плюса и минуса. Под каждой из этих маргиналий находим оригинальную аббревиатуру (вероятно, «гл», «п», «пп» и «худ»). Логично предположить, что вертикальное отчеркивание представляет собой выделение «главного», а знаки плюс и минус – одобрение или неодобрение соответственно. Помимо этого, в сборнике находятся не отраженные в этом перечне маргиналии в виде горизонтального подчеркивания отдельных стихов, знаков вопроса, а также помета «NB» и записи поэта. Из сорока стихотворений сборника Жуковским так или иначе отмечено двадцать девять. Для наглядного представления приведем список стихотворений, обнаруживающих маргиналии читателя (заглавия в нашем переводе):

Frau Karolina G. In Zürich / Г-же Каролине С. в Цюрих
Leicht Gepäck / Легкая ноша
Wer ist frei? / Кто свободен?
Arndt's Wiedereinsetzung / Возвращение Арндта на престол
Gebet / Молитва
Der letzte Krieg/ Последняя война
Der sterbende Trompeter / Умиравший горнист
Reiterlied / Песнь всадника
Rheinweinlied (Okt. 1840) / Рейнвейнская песня (окт. 1840)
Das freie Wort / Свободное слово
Drei Gutenberglieder (Juni 1840) / Три песни Гутенбергу (июнь 1840)
Die Jungen und die Alten / Молодые и старики
Protest / Протест
Aufruf / Призыв
Neujahr (1841) / Новый год (1841)
Frühlingslied (1841) / Весенняя песня (1841)
Der Freiheit eine Gasse! / Свободе – дорогу!
Vive la République! / Да, здравствует Республика!
Der Gang um Mitternacht / Полночный поход
Strofen aus der Fremde / Строфы с чужбины
Ufnau und St. Helena / Уфнау и Св. Елена
Sonette / Сонеты
IX. Den Naturdichtern / Певцам природы
VII.
XIX.

- XX.
XXII. Die Geschäftigen / Хлопотуны
XLIII.
XLIV.

Из системы маргиналий явствует рецептивная стратегия Жуковского-читателя. Во-первых, он не принимает эстетических манифестов Гервега, которые представляют собой первые двадцать из отмеченных текстов. Категоричность этого неприятия относится к смыслу, сюжету, но не к форме и проявляется в многочисленных записях романтика. Так, возле сочинений «Молитва», «Последняя война», «Рейнвейнская песня», «Песни Гутенберга» находятся разборчиво выведенные карандашом лаконичные комментарии идентичного содержания: «набор слов» (с. 27), «без мысли набор слов» (с. 31), «набор слов без смысла» (с. 38), «неопределенный набор слов?» (с. 45). Далее на страницах издания напротив заглавия или отдельных строк Жуковский ставит многочисленные знаки вопроса или минусы с повторяющимся от текста к тексту критическим смыслом, отмечая одной чертой «главное», ключевые или понаравившиеся стихи.

Однако наследие Гервега не исчерпывается легковесной, заразительной риторической поэзией, разобранной по строкам на лозунги и речёвки в рядах немецкой оппозиции 1840-х гг. Иная сторона его таланта выражена в сонетах, шесть из которых (VII, XIX, XX, XII, XLIII, XLIV) получили положительную оценку Жуковского, отметившего их плюсом. Совершенно точно об их месте в творчестве немецкого поэта написал Н.В. Гербель: «Сонеты составляют лучшую часть произведений Гервега, и это именно потому, что в них нет ничего политического. Тут попадаются порой действительно поэтические мысли и обороты. <...> Читая эти и некоторые другие произведения Гервега, нельзя не пожалеть, что поэт, обладавший бесспорно значительным талантом, посвящал лучшие свои силы погоне за мыслями, истинное значение которых ему не дано было понять» [4. С. 608].

К сожалению, ни один из выделенных Жуковским сонетов без протестно-политического содержания не вошел в «Избранное» Гервега, изданное в России в 1958 г. Отмеченные тексты развивают тему поэта и поэзии, решение которой вполне импонирует читателю, поскольку выполнено в его стилистике. Горные и морские пейзажи,

кладбищенский топос, элегические мотивы преходящести земного, неразличимости жизни и смерти, онтологический статус природного ландшафта, сливающегося с ландшафтом души в поэтическом творчестве, – все эти особенности поэтики сонетов Гервега глубоко созвучны романтизму Жуковского. Уже заглавные строки (перевод наш. – Н.Н.) дают представление об этой близости: «Пастырь свободы, вассал красоты...» (XX), «Я стоял на утесе, тут услышал я песню...» (XLIII), «Доступный лишь буре и глгучему солнцу...» (XLIV).

И все же нельзя не сказать отдельно о стихотворении, помеченном поэтом значком NB: это двухчастное произведение под названием «Уфнау и Св. Елена» («Ufnau und St. Helena»), образность которого обнаруживает очевидное сходство с одним из последних стихотворений Жуковского «К русскому великану» (1848). В образах островов Уфнау и Святой Елены Гервег изображает Германию и Францию. Крупнейший в Швейцарии остров, расположившийся в Цюрихском озере, стал местом, где окончил свои дни гуманист, литератор, политик и рыцарь Ульрих фон Гуттен (1488–1523), выступавший с критикой церковных догм, примкнувший впоследствии к М. Лютеру и боровшийся за единую и свободную от Рима и власти многочисленных герцогов и князей Германию. Гервег видит в фигуре Гуттена идеальный образ национального героя-освободителя, способного вдохновить немецкий мир на новом витке политических событий сер. XIX в. и стать альтернативой Наполеону в народном сознании и массовой культуре. Первая часть стихотворения посвящена критике французской революции, политики и личности Бонапарта, вместе с которым в Доме Инвалидов похоронена и история франков: «Es schläft die fränkische Geschichte // Mit ihm im Dom der Invaliden!» [14. S. 106]. Могила Гуттена на острове Уфнау, куда держит путь лирический герой Гервега, изображается с противоположными коннотациями: как «памятник немецкой чести» («der Stein der deutschen Ehre»). Вторую часть венчают строки риторического вопроса: «Когда же в немецких хижинах будет обитать Гуттен вместо Бонапарта?». Подобно тому, как обращение Жуковского «К русскому великану» воспевае монархическую устойчивость России, изображенной в образе утеса в океане революционных событий, «Уфнау и Св. Елена» Гервега призывает Германию встать на свой путь, отвернувшись от примера Франции. Маринистика в обоих случаях означает бытийное пространство, «вкруг ревуший океан» Жу-

ковского вполне сопоставим с «мировым океаном» Гервега, утверждающего: «Mein Weltmeer sei Dein See, o Zürich!» [14. S. 107] (Мой всемирным океаном да будет твое озеро, о Цюрих!). Сюжет встречи с Наполеоном на острове Святой Елены будет раскрыт Жуковским в его последней поэме «Странствующий жид», где сыграет ключевую, поворотную роль.

Таким образом, рецептивная стратегия Жуковского, читателя популярнейшего сборника политической поэзии, открывает активную коммуникативную позицию, интенции диалога и освоения, направленные как на форму, способы поэтического выражения, так и на содержательно-смысловой уровень произведений. Опираясь категориями, предложенными М.М. Бахтиным, можно сказать, что Жуковский-читатель ориентировался как на «внешнее произведение» (архитектоническую форму воспринимаемого эстетического объекта), так и на внутреннее произведение (композиционную форму текста). При этом он объективно оценил мастерство Гервега-стихотворца, отметив его «блестящее выражение», и слабые стороны его риторики (многократный комментарий «набор слов без смысла»). Профессионализм (или богатый опыт читателя) позволил поэту последовательно и всесторонне изучить немецкое издание и вступить в продуктивный диалог с резонантными характеристиками «чужого» текста.

То, что Жуковский был «посвященным» читателем, и его рецептивная стратегия была неизменно креативной и продуктивной, т.е. чтение включало в себя сотворчество, дальнейшее использование «чужого», обращение его в «свое», закрепление в собственных сочинениях не является новостью, это декларировалось самим романтиком. Однако ранее не рассматривавшийся материал позволяет, во-первых, говорить о Жуковском как родоначальнике русской рецепции Гервега; во-вторых, открыть новые черты поэтического наследия последнего. Наконец, исследованная рецептивная стратегия «Стихов живого человека» заставляет пересмотреть категоричность утверждений об абсолютном отрицании Жуковским нового направления политической поэзии, основанием для которых служит часто цитируемое и вполне однозначное высказывание романтика о пафосе Г. Гейне из манифестарного послания к Н.В. Гоголю «О поэте и современном его значении», в котором немецкий автор назван «худителем всякой святыни», «свободным собирателем и провозгласи-

телем всего низкого, отвратительного и развратного», «темным демоном» [15. Т. 12. С. 223–224]. Творчеством Гейне немецкие литературные новинки не ограничивались, более того, он в определенной мере оставался в стороне от событий в Германии в 1840-х гг., не принимая в них деятельного личного участия по известным причинам. Книга настоящего лидера новой поэзии в нач. 1840-х гг. Георга Гервега сохранила малоизвестное амплу Жуковского как участника литературной жизни современного ему немецкого мира. Рассмотренная читательская парадигма восприятия свидетельствует о том, что поэт не просто отмахивался от новых веяний, упорно отстаивая консервативную точку зрения, но внимательно изучал современные тенденции в литературе, находя и в них созвучные формы и смыслы.

Громкий пафос отрицания традиций и деструкция слова, или, как называет его русский поэт, «неопределенный набор слов без мысли», – вот что вызывало в нем неприятие политической поэзии. В то время как национально-патриотические мотивы стихотворений Гервега, напротив, не получили его резкого неодобрения, а будучи поставленными на историко-культурную почву, продуцировали активный творческий диалог, выразившийся в данном случае в очевидной близости художественных дискурсов Гервега и Жуковского в стихотворениях «К русскому великану» и «Уфнау и Св. Елена».

В разнонаправленности векторов восприятия Жуковским немецкого цикла отразилась, думается, противоречивость самого Гервега, обращавшегося с пиететом к монарху и рьяно призывавшего к революционному бунту, выступавшего против Франции и влияния Наполеона, но прекрасно подражавшего Беранже, Ламартину и Платену. По выражению Н.В. Гербеля, «песни его похожи на проблески молний среди мрака, во время которых нельзя разобрать, что они именно освещают» [5. С. 608].

Кроме того, креативная стратегия Жуковского-читателя «Стихов живого человека» была, как и в большинстве случаев, автобиографичной. Отклик реципиента вызывали излюбленные мотивы, образы немецкого романтизма и темы, а также их классические решения. Последний из получивших его одобрение сонетов как будто относится к его будущей судьбе на германской земле, предсказывая те мысли и чувства, которые выразятся в эго-документах русского поэта второй половины 1840-х гг.

G. Herwegh**XLIV**

Erreichbar nur dem Sturm und Sonnenbrand,
 Von keines Wandrers Fuße umgebogen,
 In scheuen Kreisen nur vom Aar umflogen,
 Wie ein Johannes in der Wüste, stand

Ein Blümchen einst auf kahler Alpenwand;
 Der Himmel hatte, doppelt ihm gewogen,
 Es seinem Herzen näher auferzogen,
 Doch nur mit Klagen schaut er in das Land.

„Warum, o Gott, in eines Felsen Schoos?
 Warum, o Gott, mir solch ein einsam Loos?
 Was sterb' ich nicht in holder Schwestern
 Mitten?“

Still, meine Blume, still! Was klagst du noch?
 Wohl bist Du einsam, aber sicher doch
 Vor Menschenhänden und vor Menschentrit-
 ten [14. S. 176].

Подстрочный перевод**XLIV**

Доступный лишь буре и жгучему
 солнцу,
 Там, где не ступала нога путешест-
 венника,
 Где лишь орел нерешительно кру-
 жит,
 Как Св. Иоанн в пустыне, рос

Цветок однажды на голой альпийской
 скале;
 Небеса одарили его вдвойне,
 Взрастив у своего сердца,
 Но он все смотрит в долину с сожа-
 лением.

«Почему, о Боже, в лоне скалы?
 За что, о Боже, мне такая одинокая
 доля?
 Отчего не дано умереть среди пре-
 лестных сестер?»

Тише, мой цветок, тише! Отчего ты
 ропщешь?
 Возможно, ты и одинок, однако
 защищен
 От рук людских и их шагов.

Наконец, среди рукописей В.А. Жуковского в фондах РНБ сохранился выполненный готической скорописью список стихотворения «К Георгу Гервегу» («An Georg Herwegh»). Текст не датирован и подписан в конце именем и фамилией современника Жуковского, приближенного ко двору Фридриха Вильгельма IV майора прусской армии, участвовавшего в боях с Наполеоном, автора более десятка известных трудов о военной истории Германии, о героях Пруссии, о военной географии и др. Фридриха Вильгельма Беникена (Benicken, Friedrich Wilhelm). Будучи убежденным представителем консервативно настроенной промонархической интеллигенции, а значит, единомышленником В.А. Жуковского, Беникен с большой долей вероятности мог быть лично знаком с русским поэтом. Состоящее из 88 строк стихотворение наполнено оправданной критикой в адрес Гервега по поводу беспочвенных призывов к борьбе с иллюзорным

врагом, громкой беспредметной риторики его стихотворений, а также обвинений короля Пруссии после аудиенции 1841 г. Например:

An Georg Herwegh

Ein König nimmt dich auf mit seltner Mil
de,
Ein König, der zu lehren du gewagt,
Den du in zügellosem Binder Bilde
Der Trägheit und der Tohrheit angeklagt
[16. Л. 1 об.]

Дословно

Король принимает тебя на редкость мило-
сердно,
Король, которого ты отвергнуть отважил-
ся,
Которого ты в бесцеремонно сплетенной
картине
В вялости и глупости обвиняешь <...>

Dein Lied ist Lüge. Wo sind Deutschlands
Gegner? [16. Л. 1 об.]

Твоя песнь – ложь. Где он, Германии про-
тивник?

Wie schlecht verstehst du Vaterlandes Ju-
gend [16. Л. 2]

Как плохо ты понимаешь молодежь Оте-
чества

Завершается поэтическое обращение призывом от лица придворного поэта к борьбе против манеры Гервега: «Heran! – Dir trotzst ein deutscher Männerbund!» (Вперед! – Тебе противостоит немецких мужей союз!).

Как удалось установить, список сделан с произведения знакомого Г. Гервега, немецкого публициста, политика-оппозиционера Вильгельма Марра (Wilhelm Marr, 1819–1904), опубликовавшего это стихотворение под псевдонимом в виде брошюры под заглавием «Георгу Гервегу и придворным поэтам, состоящим на службе прусского короля» с посвящением майору Ф.В. Беникену в 1843 г. Ко времени публикации Марр переехал в Швейцарию и сошелся с политическими поэтами, высланными из Германии, среди них был и Г. Гервег. Нельзя точно утверждать, было ли это стихотворение написано в ироническом, пародическом ключе, или же скрывшийся под псевдонимом Марр всерьез выдвигал небезосновательные обвинения в адрес на шумевшего своим сборником Гервега, однако наличие списка в собрании автографов Жуковского свидетельствует о неслучайном пристальном внимании русского поэта к развитию немецкой политической поэзии 1840-х гг. вообще и имени Гервега в частности.

Литература

1. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Томск, 1981.

2. Krausnick M. Die eiserne Lerche. Weinheim und Basel, 1998 (впервые в 1993).
3. Enzensberger U. Herwegh. Ein Heldenleben. Eichborn, Frankfurt am Main 1999.
4. Ziegengeist G. Herzen und Herwegh. Zwei unbekannte Briefe über ihren Bruch im Januar 1851 // Zeitschrift für Slawistik. Volume 7, 1962. Issue 1, S. 210–215.
5. Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1871.
6. Немецкая поэзия революции 1848 года. М., 1948. С. 10–11.
7. Дымищ А.Л. Карл Маркс и поэт Гервег // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. 1958. Т. 170. С. 333–350.
8. Тураев С.В. Творчество позднего Гервега // Вопр. лит. 1959. № 10.
9. Гервег Г. Избранное. М., 1958.
10. Елисарова М.Е., Колесников Б.И. История зарубежной литературы XIX века. М., 1992 // Литература Западной Европы <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/elizarova-izl/kriticheskij-realizm-xix-veka.htm>
11. Тураев С.В. Революция во Франции и немецкая литература. М., 1997.
12. Широков В.А. Любовная геометрия Герцена: эссе // Наша улица. 2009. Февр. №111 (2). <http://kuvaldn-nu.narod.ru/2009/02/shirokov-herstsen.htm>
13. Паперно И.А. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1890-е годы) / авториз. пер. с англ. М. Долбилова // НЛЮ. 2010. № 103. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>
14. Herwegh G. Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen. Vierte Auflage. Zürich und Winterthur, 1842.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры. М., 2012.
16. ОР РНБ. Ф. 286 (Жуковский), оп. 2, № 355. Л. 1–2.

V.A. ZHUKOVSKY, A READER OF THE GERMAN POETRY OF THE 1840S: GEDICHTE EINES LEBENDIGEN BY GEORG HERWEGH (1841).

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 59–78. DOI: 10.17223/23062061/9/5

Nikonova Natalia E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; G. Herwegh; reception; German poetry.

The summer of 1841 was marked by a real literary sensation for the German world. The first part of the collection of poems by the twenty-four-year-old Georg Herwegh (Georg Herwegh, 1817–1875) *Gedichte eines Lebendigen* (“Poems of a Living Man”) was published in Zurich. The effect of the book was intoxicating, it had a powerful impact both on conservatives and reactionaries. It was a new kind of political poetry based almost exclusively on rhetoric. Herwegh proved to be very demanded in the pious Germany of the Biedermeier which was massively reading and writing at that time. He was close to and understood by the opposing parties, having adopted a safe strategy: the “Stuerner” and radical pathos of his verses was based on the immutable plot and composition structure of spiritual and edifying literature, as well as on romantic natural philosophy and mythopoeitics. The unpretentious language which he used to express the eternal motives of tyrant-fighting together with the call for unity, protest and liberation, relevant to the country, made his poems clear to the general reader.

The life-affirming pathos of disagreement could be noticed already in the title, with which the author hinted at *Letters of the Dead* by Hermann von Pückler-Muskau, a Ger-

man prince, a traveling writer, a subtle and ironic narrator, a major in the Russian service, and the founder of Europe's largest English-style park. His works were familiar to Zhukovsky, who read the Prince's four-volume edition *Briefe eines verstorbenen. Ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland, Frankreich, Deutschland und Holland, geschrieben in den Jahren 1826-1829* (Lobanov, 1981, 259), this book causing Herwegh's polemics.

The paper addresses the problem of attributing and analyzing the facts of the Russian reception of the poems by Georg Herwegh, one of the most famous German poets, a representative of the new revolutionary and democratic direction. The notes and autographs V. A. Zhukovsky made in the editions of Herwegh are introduced in the scientific discourse (Herwegh G., *Gedichte eines Lebendigen* (1841)). For the first time the paper shows the overview and the comparative analysis of the Russian and German reception of Herwegh's personality and his creative heritage of the 1840s–2010s. In this context, Zhukovsky's remarks have a special significance.

In Russia, Herwegh's personality and legacy were conceived stage-by-stage. This way, the peculiarities of the reception were determined by the historical and cultural situation in the recipient culture. The first period of the comprehension may be essentially dated back to the 1870s–1900s. The second period is connected in Russia with the appearance of the ideological pathos that was typical of the poems, which brought a scandalous popularity to the German poet. The burst of attention was marked in 2009–2013 when a cycle of new articles on the relationship between the Herzens and Herwegh was published.

References

1. Lobanov, V.V. (ed.) (1981) *Biblioteka V. A. Zhukovskogo (Opisanie)* [V.A. Zhukovsky's Library: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Krausnick, M. (1998) *Die eiserne Lerche* [The Iron Lark]. Weinheim und Basel.
3. Enzensberger, U. (1999) *Herwegh. Ein Heldenleben* [Herwegh. A Hero's Life.]. Frankfurt am Main: Eichborn.
4. Ziegegeist, G. (1962) Herzen und Herwegh. Zwei unbekannte Briefe über ihren Bruch im Januar 1851 [Herzen and Herwegh. Two unknown letters about their break in January 1851]. *Zeitschrift für Slawistik*. 7(1). pp. 210-215. DOI: 10.1524/slaw.1962.7.1.210
5. Herbel, N.V. (ed.). (1871) *Nemetskie poety v biografiyakh i obraztsakh* [German Poets with Biographies and Samples]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K°.
6. Mirimsky, I.V. (ed.). (1948) *Nemetskaya poeziya revolyutsii 1848 goda* [German Poetry of the Revolution of 1848]. Moscow: Goslitizdat. pp. 10-11.
7. Dymshits, A.L. (1958) Karl Marks i poet Gerveg [Karl Marx and the Poet Herwegh]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedinstituta*. 170. pp. 333-350.
8. Turaev, S.V. (1959) Tvorchestvo pozdnego Gervega [The Works of the Late Herwegh]. *Voprosy literatury*. 10.
9. Herwegh, G. (1958) *Izbrannoe* [Selected Poems]. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature.
10. Elisarova, M.E. & Kolesnikov, B.I. (1992) *Istoriya zarubezhnoi literatury 19 veka* [The History of Foreign Literature of the 19th century]. Moscow: Vysshya Shkola.
11. Turaev, S.V. (1997) *Revolutsiya vo Frantsii i nemetskaya literatura* [The French Revolution and German Literature]. Moscow: Nasledie.

12. Shirokov, V.A. (2009) Lyubovnaya geometriya Gertsena. Esse [Herzen's love geometry]. *Nasha ulitsa*. 111(2). [Online] Available from: <http://kuvaldnu.narod.ru/2009/02/shirokov-hertsen.htm>.

13. Paperno, I.A. (2010) Intimnost' i istoriya: semeynaya drama Gertsena v soznanii russkoy intelligentsii (1850–1890-e gody) [The intimacy and history: Herzen's family drama in the minds of the Russian intelligentsia (1850–1890-ies)]. Translated from English by M. Dolbilov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 103. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/pa3.html>.

14. Herwegh, G. (1842) *Gedichte eines Lebendigen. Mit einer Dedikation an den Verstorbenen* [Poems of Living. With a Dedication to the Deceased]. 4th ed. Zurich und Winterthur.

15. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [Complete Works and Letters in 20 Vols.]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

16. *Department of Manuscripts. Russian National Library*. Fund 286. List 2. File 355.